

Данилова Н. К. Формирование историко-культурного ландшафта якутов: этнолокальные модели и пространственные представления / Н. К. Данилова // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 243—257. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-243-257.

Danilova, N. K. (2019). Forming of Historical and Cultural Landscape of Yakuts: Ethno-Local Models and Spatial Concepts. *Nauchnyi dialog*, 8: 243-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-243-257. (In Russ.).

УДК 94(571.56):[392:398.4]+908(571.56)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-243-257

Формирование историко-культурного ландшафта якутов: этнолокальные модели и пространственные представления

© Данилова Наталья Ксенофоновна (2019), orcid.org/0000-0002-3728-5738, ResearcherID J-7690-2018, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел археологии и истории, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (Якутск, Россия), dan_nataliksen@mail.ru.

Рассматриваются стратегии освоения пространства, механизмы адаптации и идентификации локальных культур народа саха (якутов) в постоянной тесной связи с природной средой. Выявлены инвариантные особенности этнокультурного ландшафта якутов, сформировавшиеся на базе локальных мировоззренческих представлений. Материалом для кросс-культурного исследования послужили фольклорные, этнографические и лингвистические данные, отражающие и раскрывающие фундаментальные и символические значения доминантных символов пространств и экологические традиции, основанные на одухотворении ландшафтного окружения. Новизна исследования видится в том, что в работе впервые анализируются в семантическом контексте природные объекты (алаас, лес, водоемы, гора), которые сыграли ключевую роль в формировании локальных идентичностей. Историко-когнитивный и лингвистический анализ ментально-культурного слоя природных объектов показал, что в культурной модели якутов сохранились архаические элементы, связанные с тюрко-монгольским субстратом. Показано, что якуты перенесли метафору юга и стереотипы пространственного поведения, основанные на восприятии южной прародины, в новое географическое пространство. Автор утверждает, что природные объекты аккумулируют в себе идеальные представления о пригодной для проживания местности и «кормящего ландшафта» и становятся ключевыми этнодифференцирующими маркерами и основой национально-культурного нарратива

якутского народа. Таким образом, концептуальные основы восприятия природных объектов в сознании якутского народа определяются, с одной стороны утилитарными представлениями о территории как хозяйственно-освоенном пространстве, с другой стороны — мифологическим восприятием реального географического пространства как ценностно-неоднородных локусов согласно универсальному разделению «свой / чужой».

Ключевые слова: традиционная культура; народ саха; этнолокальные группы; этнокультурный ландшафт; пространственные представления, символы и образы; метафора юга; экологические традиции.

1. Введение

Природная среда влияет на всю структуру и ментальную составляющую хозяйственно-культурной системы этноса. В этом контексте актуальной становится фундаментальная проблема изучения пространственного развития территорий и формирования этнолокальных групп в рамках историко-когнитивного анализа.

Территория распространения якутов охватывает огромное пространство, характеризующееся разнообразием ландшафтных зон, повлиявших как на становление локального варианта концептуальной картины мира, так и на хозяйственно-культурную систему.

Концентрация скотоводческого населения около используемых природных ресурсов определила дисперсное расселение по *алаасам*. Зимники *кыстык* располагались в глухих *алаасах*, окруженных лесом для защиты от ветров, а летники *сайылык* находились на значительном расстоянии от зимников, преимущественно вблизи пастбищных и сенокосных угодий [Зыков, 1986, с. 13].

По мнению исследователей, *алаасы* бывают географическими, характерными только для ландшафта Якутии, — это плоские понижения в районах распространения многолетнемерзлых горных пород, образующиеся в результате протаивания и просадки грунта, и луговые пространства, возникшие в результате антропогенной нагрузки [Босиков, 1991, с. 9].

По степени хозяйственно-культурной деятельности среди якутов различаются «аласные» (скотоводы, коневоды), «лесные» (промысловики), «озерные» (рыболовы). В связи с этим представляется интересным рассмотреть с точки зрения когнитивной истории, социальной антропологии, экологической культуры стратегии освоения пространства, механизмы адаптации и идентификации локальных культур в постоянной и тесной связи с природной средой.

Якутский этнос — народ саха — подразделяется на три основные этнолокальные группы: центральные, вилюйские и северные.

2. Центральные якуты

Начало легендарной истории народа саха начинается с освоения бассейна реки Средней Лены первопредками Омогоем и Эллэем, носителями монгольской (Омогой) и тюркской (Эллэй) культур.

Ареал расселения первых якутских родов *ага ууһа* охватывает Центрально-якутскую равнину, на которой расположены друг за другом три просторные долины реки средней Лены: Туймаада, Эркээни и Энсиэли.

Топографические характеристики этих речных долин наиболее полно соответствуют представлениям скотовода-кочевника, для которого «бескрайние широкие раздолья с необозримыми просторными долами» и четко очерченной периферией представляют собой идеальный вариант «своей» территории.

Концентрация здесь основных компонентов жизненной среды — источников воды, равнинной долины (пастбищ для скота), орографических объектов — сопки (защита от ветров) — и лесных массивов (материал для топлива и строительства жилищ и хозяйственных построек) привела к возникновению скотоводческого оазиса, в котором формировалось культурное ядро этноса [Романова и др., 2017, с. 301]. Оптимальные сочетания ключевых компонентов жизненного пространства: «река — долина — гора — лес» — составляют основной каркас экосистемы и выступают доминантными символами пространственных представлений.

Если обратиться к мифологическим сюжетам, то первопредок народа саха Омогой баай, «... приплыв по реке Лена, поразившись широте и красоте великой долины Туймаада, со всей своей домашней челядью поселился именно там», а прибывший позднее Эллэй Боотур, поднявшись на сопку и увидев просторную долину, «... решил остановиться там» [Предания и мифы, 2003, с. 49—58].

Согласно легендарной генеалогии предков якутов, долины Туймаада и Эркээни стали местом расселения кангаласских родов — потомков Эллэя, а Энсиэли обживалась намскими кланами — потомками Омогоя. Разрастание якутской популяции на левом берегу Лены обусловило освоение других земель — заречных территорий. Так, отколовшиеся от основной метрополии отдельные кланы — *ага уустара* — стали обживать таежно-луговые ландшафты Амгино-алданских речных систем.

Таким образом, в начале XVII века основной каркас якутского этноса составляли шесть центральных улусов, от которых начались миграционные передвижения в разные стороны обширного края: это Хангаласский, Мегинский, Борогонский, Батурусский, Баягантайский и Намский улусы [Ушницкий, 2015, с. 81].

Центральных якутов принято считать *дойду (дайды) дьоно* ‘людьми с прародины, с края’. Примечательно, что в монгольском языке словом *дай-да* обозначается ‘обширная площадь, ровное место, земля’, а *дунэн дайда* — ‘нетронутая степь’. Таким образом, словосочетание *дойду дьоно* буквально можно перевести как ‘степные люди’. Слово *дойду* присутствует и в самопрезентации якутов: *орто дойду дьоно* ‘люди срединного мира’ — и означает в широком значении ‘народ саха’ [Романова и др., 2017, с. 305]. Слово *дойду* сочетается и с *киин* ‘центр, центральный’: локальная группа стала идентифицировать себя как «центральной». Далее отметим, что у центральных якутов локально используются термины, обозначающие широкие равнины — *таала сыһыты, таала хонуу*, которые аналогичны тюрко-монгольским словам, означающим степь (тюркск.: *тала, дала*; бур.: *тала*, монг.: *тала*) [ПМА]. Итак, три долины *Туймаада* — *Эркээни* — *Энсиэли* стали основными базовыми константами для образования локальной группы центральных якутов.

Про насельников центральных долин периферийные якуты говорят, что у них и «взгляд широкий, и натурой бойкие, не то, что мы, периферийные, застенчивые и скромные» [ПМА].

Наличие огромных аласных и долинных экосистем способствовало развитию у центральных якутов скотоводства и коневодства в огромных масштабах. Несметные богатства в виде табунов иллюстрируются и в мифо-поэтическом наследии: «... пугливых белых бегунов у них было больше, чем звезд на обширном гулко-звнящем небе ...», — а выражение: *сыһыты-сыһыты аайы сыспай сиэллээх, хонуу-хонуу аайы хорогор муостаах* ‘по долам и полям видимо-невидимо конного и рогатого скота’ демонстрирует наличие огромных хозяйств и богатых родов [ПМА].

С целью расширения кормовой базы и покосных земель якуты использовали и постоянно совершенствовали культурно-технические работы (вырубка лесов, корчевание пней, спуск воды и т. д.), в результате чего развитая у центральных якутов ското- и коневодческая культура привела к трансформации обширных лесных массивов, целинных и залежных земель в окультуренные человеком земли.

По мнению Л. Н. Гумилева, органично «вписываясь» в окружающий ландшафт, центральные якуты своей производственно-хозяйственной деятельностью внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены [Гумилев, 2010, с. 171].

Таким образом, широкие равнины, характерные только для центрально-якутского ландшафта, становятся ключевыми природными маркерами и основой национально-культурного нарратива локальной группы центральных якутов.

3. Вилуйские якуты

Вилуйские якуты представлены группой улусов, расположившихся по долинам реки Вилуя и его притока Мархи. Основной ландшафт представлен лесным массивом и обилием озерных экосистем.

Вопрос о времени первоначального заселения якутами бассейна реки Вилуей до сих пор остается дискуссионным. В 20-х годах XX века известным якутским ученым, одним из первых представителей якутской интеллигенции Г. В. Ксенофоновым была выдвинута гипотеза о более раннем заселении бассейна Вилуя, чем Ленского края. Долгое время его теория не находила поддержки, тем не менее в современной якутской историографии появились исследования, подтверждающие гипотезу Г. В. Ксенофопова.

Так, обращение М. С. Воронкина к «вилуйской загадке» через языковую картину якутов и археологический материал, связанный с обнаружением в вилуйском регионе кулун-атахской культуры XIV—XVI веков и «культурой малых домов», дало основание полагать, что территория Вилуйского региона была заселена предками якутов задолго до прихода первых русских казаков [Алексеев, 2007; Архив ЯНЦ РАН, ф. 5, оп. 12, д. 245, л. 351; Гоголев, 2008; Окладников, 1955 и др.].

Согласно историческим преданиям, мифологическая биография вилуйских якутов связана с именем прародительницы *Джаардаах* (*Дьаархан*) и ее сыновей: *Ырыа Быркынгаа*, *Тойук Булгудах* и *Босхон Бэлэтии*. Легендарная история начинается с сюжета о присоединении девушки из автохтонного племени *ньырбакаан* к родовому клану *Тыгын Дархан* (ключевого исторического персонажа, прямого потомка *Элэя* из хангаласского рода, пытавшегося объединить весь якутский род. — Н. Д.). Испытав на себе и на своих сыновьях угрозу со стороны *Тыгына*, *Дьаардаах*, ставшая к тому времени одной из побочных жен *Мунньан Дархана*, отца *Тыгына*, сбегает на свою родину — в вилуйские земли [Ксенофонов, 1977, с. 195—219]. Сюжетная линия развивается войной между сыновьями *Джаархан* и первыми переселенцами из Якутского края — бордонскими якутами, во главе которых стоял шаман *Тююлээх-Тюнгюрдээх-Тюлюен-Ойун* ('имеющий покрытый шерстью бубен Тюлюен Шаман') — зять *Тыгына*, — и завершается победой братьев над бордонцами. Легендарные братья становятся предками вилуйских якутов, распространившихся по четырем улусам Вилуйского региона: Вилуйскому, Верне-вилуйскому, Нюрбинскому и Сунтарскому [Николаев, 1957, с. 93].

Ключевым символом Вилуйского региона выступает река Вилуей — самый длинный, крупнейший левый приток реки Лена.

В мифо-ритуальном пространстве сакральный образ реки Виллой связан прежде всего с ее природными признаками: спокойным величием, протяженностью, богатством флоры и фауны и др. — и представлен следующими метафорическими конструкциями: *Хотун Бюлюю* ‘Госпожа Виллой’, *Эбэ Хотун* ‘Бабушка Госпожа’, *бютэй Бюлюю* ‘огороженный (глухой) Виллой’, *сыа Бюлюю* ‘жирный Виллой’. Из-за глубокого почитания реки использовались эпитеты *госпожа*, *бабушка*, — подразумевалось, что она есть кормилица, защитница, средоточие всей жизненной артерии округа [Маак, 1887].

Из исторических преданий известно, что река Виллой манила насельников Ленского края своей отдаленностью и загадочностью, пестрой этнической мозаикой (согласно легендам, на виллойских землях обитали древнейшие племена *тигишлээх сирэйдэр* ‘племя людей с шитыми лицами’, *туматтар* ‘туматы’, *тыал буолбуттар* ‘племя людей, ставших ветром’ и т. д. — Н. Д.), а также поверьем, что «это место принесет счастье и удачу» [ПМА]. В этом контексте следует обратить внимание на происхождение словосочетания *бютэй Бюлюю*. Если обратиться к представлениям об «идеальном» устройстве жизненного пространства, то надо подчеркнуть, что оно обязательно должно быть соизмеримо, обозначено, а также обнесено изгородью *бютэй*, *бютэй кюрюе*. Как мы уже писали ранее, вещное оформление границы являлось символом человеческого пространственного мира, поэтому становилось в буквальном смысле «культурным барьером», через который не могли проникать существа иного мира, то есть слово *бютэй* семантически представляло идею освоенности и защищенности [Данилова, 2011, с. 38]. Так, о сверхудачливом человеке, который будто бы находился под защитой каких-либо сверхъестественных сил, божеств *айыы* или духов-*иччи*, говорили «*бютэй дьулайдаах киһи*» ‘человек с защищенным родничком’ [ПМА].

В легендарных текстах «Эллэйады» довольно ясно дается указание на то, что Виллой в древности служил местом пристанища для беженцев, в основном навлекших на себя гнев Тыгына [Ксенофонтов, 1977], а в мифопоэтике часто употребляется метафора: *Бютэй Бюлюю, хоннох-хор саһыар...* ‘глухой Виллой, спрячь в своих подмышках ...’ [Маак, 1887, с. 174].

Кроме того, Виллой славился богатыми промыслами: «рыба гниет по берегам озер, а лисицы и зайцы бегают по дворам» [Ксенофонтов, 1992, с. 43]. Так, постепенная концентрация якутских родов, разведение ими табунного коневодства, установление скотоводческого хозяйствования с использованием биоресурсов реки Виллой привели к возникновению от-

дельной субэтнической группы вилюйских якутов, у которых промысловая деятельность становится этнодифференцирующим фактором.

В мифопоэтике про Вилюй говорится *сыа Бюлюю* ‘жирный Вилюй’. Происхождение данной метафоры связано с добыванием озерной рыбы — карася. Г. В. Ксенофонов приводит документальные сведения о том, что «... Вилюйский округ, имея половину населения Якутского округа, имеет ежегодную добычу рыбы почти в четыре раза больше, чем в последнем, по количеству рыболовных морд превосходит его в семь раз, по количеству сетей в три раза» [Ксенофонов, 1992, с. 15].

Вилюйские якуты смогли адаптировать рыболовные традиции своих южных предков и заниматься рыболовным промыслом круглогодично. Именно в Вилюйском округе, ландшафт которого был представлен многочисленными озерами (в частности, у насельников среднего Вилюя — кобйайских якутов), была зафиксирована высокоразвитая озерная культура.

Коллективная неводьба — *мунха, багадьы* — распространена у всех локальных групп якутов и включает в себя организованную неводьбу со строгой стратификацией рыбаков, разнообразным орудием для ловли рыбы, этикетными установлениями и обрядовыми действиями. Но у вилюйских якутов коллективная неводьба имеет более широкие мифо-ритуальные значения, соотносимые с рыбной пищей, обрядовыми комплексами, связанными с освящением рыболовных орудий, началом и закрытием рыболовного промысла на озерах. Сюда же можно отнести и озерную мифологию, в основе которой лежат древние представления о рыбе как объекте особого почитания, а также шаманские камлания духу воды при безрыбье — отдельному разряду озерных духов и хозяев озера [Николаев, 2009].

Если открытая местность — *алаас* — в общем пространственном восприятии якутов выступала в качестве «центра», то лес всегда ассоциировался с «периферией», а кроме того, еще и с «чужой», враждебной территорией. У вилюйских якутов лес может представляться и как пограничное пространство, которое могло «перезапустить» и восстановить жизненный сценарий. Во многих локальных мифах подчеркивается, что люди, ушедшие в лес в результате различных несчастий в семье или болезней, возвращались обратно здоровыми, крепкими, физически и морально окрепшими [ПМА]. Кроме того, лес для вилюйских якутов представлялся как хозяйственно-освоенное место. Неслучайно в служилых записках русских казаков вилюйские якуты указываются как «лесные якуты». Так, в ментальной сфере вилюйских якутов, в их образном восприятии водных экосистем и тайги актуализирована высокая степень потребительских свойств человека, а потому они становятся центром производственной деятельности.

Рассматривая этнокультурный ландшафт вилюйского региона, можно сказать, что транзитное положение в сочетании с периферийностью определили пестрое и динамичное геокультурное пространство: вилюйский край можно обозначить как переплетение скотоводческих, коневодческих и промысловых производственных систем.

СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ.

В тундровой и горно-таежной зоне бассейнов рек Анабар, Оленёк, Колыма, Яна, Индигирка сложилась особая группа *северных якутов*, адаптировавших аборигенную культуру коренных малочисленных народов Севера и сохранивших в суровых климатических условиях производящее хозяйство, южную скотоводческую и коневодческую культуры.

В природно-ландшафтных условиях Якутского Севера традиционная скотоводческо-хозяйственная структура быстро адаптировалась и трансформировалась под окружающую природную среду. Тесная связь с аборигенным населением и горный ландшафт определили формирование различных типов адаптивных систем природопользования, которые отразились на производственно-хозяйственной системе. И. С. Гурвич выделил три типа хозяйственных систем у северных якутов: оленеводов — на севере-западе края, охотников и рыболовов — в низовьях рек Северного Ледовитого океана и скотоводов — в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы [Гурвич, 1966, с. 179].

Согласно текстам легенд, проникновение на север представителей титульных родов — кангаласцев, батулинцев и др. — связывается с эпохой *Тыгына* — мифологического персонажа, имеющего исторические корни. Так, исследователи, детально изучив хосунные эпосы и предания якутов о бегстве на Север в результате поражения Тыгына, сделали вывод о том, что колонизация выходцами из центрально-якутской равнины северных территорий началась задолго до прихода русских казаков в якутские земли [Ушницкий, 2015, с. 165].

Одной из причин переселения якутов и роста якутских колоний в периферийных областях Якутского края, а также возникновения самостоятельного ответвления якутов-олeneводов, практически во всем перенявших быт тунгусов, указывается истощение пушнины и зверей в Центральной Якутии. По свидетельству Г. В. Ксенофонтова, существование самобытной культуры северных якутов-олeneводов становится косвенным доказательством того, что освоение современной территории Якутии начиналось протяжками-олeneводами, занимающимися преимущественно охотой и рыболовством [Ксенофонтов, 1992, с. 274], так как «якуты-колонисты первых веков свой хозяйственный план не могли строить на размножении скота,

пригнанного из далекого юга. Местный олень, охота и рыболовство — вот три кита, на чем могла держаться экономика ранних переселенцев» [Там же]. Причиной массового прорыва якутов в Вилюй и на Север В. Л. Серошевский считал уничтожение тунгусского и юкагирского окружения, которое ранее не давало возможности якутам проникать в чисто таежные регионы [Серошевский, 1993, с. 130].

Так, якутские племена, постепенно осваивая пути по северным рекам, превращаются в магистральную культуру, и огромный таежно-тундровый и горно-таежный регион, принадлежавший ранее тунгусам и юкагирам, становится этнически якутским [Ушницкий, 2015, с. 167].

Вслед за якутами-оленоводами в северные территории с экстремально низкой температурой проникает исконно якутская ското- и коневодческая культура, которую исследователи оценили как «историко-культурный феномен народа саха».

Освоив долинные (степные) очаги, бассейны рек Яны, Индигирки и Колымы, верхоянские, оймяконские, колымские, абыйские якуты, считающие себя *дьин саха* ‘исконными якутами’ [ПМА], в суровых климатических условиях сумели сохранить устойчивое воспроизводство системообразующих культурных элементов (язык, высокий уровень этнического самосознания, традиционные стереотипы поведения, материальную и духовную культуру). Благодаря некоторой изолированности от основных миграционных потоков и событий, происходящих в центральных районах, компактности расселения, горному ландшафту северные якуты сохранили в традиционной культуре архетипы пространственной памяти о родине южных предков. Так, культ гор, широко распространенный в среде сибирских народов, становится одним из ключевых символов в уникальной пограничной культуре северных якутов [Худяков, 1969].

Как вертикальный объект, в тюрко-монгольской культуре горы являются полифункциональным и многозначным символом, тесно связанным с жизнью коллектива, семантическим центром родовой территории [Содномпилова, 2009, с. 51], а в мифопоэтике Мировая гора выступает в качестве пространственной скрепы, медиатора между небом и землей, вокруг него разворачивается освоение мира.

Точно так же в мировоззрении северных якутов — насельников горной местности гора выступает как часть «освоенного пространства». Горы воспеваются как центр земли и соотносятся с Мировым древом *Аал луук мас* [ПМА]. В северных вариантах олонхо горы чаще всего выступают своеобразными каналами между миром небесных божеств и миром людей [Верхоянский сборник ..., 1890, с. 15].

У северных якутов особым статусом обладает гора, находящаяся рядом с населенным пунктом. Ее почтительно называют *Эбэ хайа* ‘Госпожа Гора’. Она является ключевым символом родовой территории, а дух-хозяйка горы — покровителем самого рода [ПМА]. В локальных мифологиях, связанных с родовыми горами, им уделяется основное внимание; поскольку там находится сфера обитания духов предков, представителям других родов запрещалось подниматься туда, охотиться и даже смотреть косо в сторону горы [Там же].

В мифологии дух горы *Хайа иччитэ* считается одним из самых почитаемых, грозных и обидчивых и в зависимости от сюжета мифологических повествований, от статуса горы (родовая гора, отдаленная гора и т. д.) может принимать как мужской, так и женский образ.

Как высший знак иерофании горы требовали к себе определенного отношения и соблюдения норм поведения. Во избежание гнева и с целью соискания благосклонности духа-иччи Горы якуты совершали обряды жертвоприношения «*Хайа иччитигэр бэлэх*» ‘подношение подарка духу Горы’. Так, каждую весну женщины (чаще всего пожилые) разводили костер у подножия родовой горы, проливали топленое масло или жир на горящие угли, сопровождая угощение особым заклинанием *алгысом*, таким образом они «умасливали», «задабривали» покровительницу своего рода *Эбэ* ‘Госпожу’ [Там же].

Кроме этого, существовал комплекс обрядов, направленных на «умасливание» духа-хозяина Горы и духа-иччи горного перевала *Аартык иччитэ*: разжигание священного костра и жертвоприношение *дэлбиргэ ыйааһына* (ср: *дэлбэргэ* — бур.) — вешание на стволы деревьев и камни свитой веревки из конского волоса *сиэл* с прикрепленными ленточками, птичьими перьями и угощением *айах тутааһын* [Алексеев, 1980, с. 60].

Одним из локальных обрядов, присущих только горным якутам (верхоянским, оймьяконским), был старинный охотничий обряд *таас кыстаабыт* ‘укладывание конического сооружения из камней’, который также сопровождался обязательным жертвоприношением [ПМА]. Следует отметить, что реминисценция данного обряда восходит к древнему тюрко-монгольскому культу сооружения в виде конусообразных насыпей из камня *обоо*, *оваа* [Содномпилова, 2009, с. 53].

У северных якутов также существовало поверье, что если взять камушек с подножия родовой горы, то дух горы будет оберегать в пути, а камень «будет тянуть назад, домой». По возвращении камушек нужно вернуть на место, так как нельзя хранить в доме камни. Если использовать его

в хозяйстве, то сначала необходимо уложить в емкость с водой и оставить на ночь, чтобы вода смыла природные качества камня [ПМА].

Следует также сказать и об особом, почтительном отношении к горам, которое выражалось в наделении их человеческими свойствами и статусами. Так, чаще всего к родовой горе обращались *Эбэ хайа* ‘Бабушка гора’, к охотничьему локусу горы — *Тойон хайа* ‘Господин гора’, к священной горе *Кыыс хайа* — ‘Девушка гора’, к сакральной горе — *Терют хайа* ‘Предок гора’. Зооморфный код также активно используется в названиях гор: *Энэ хайа* ‘Медведь гора’, *Бага хайа* ‘Лягушка гора’ и др. [Там же]. Следует отметить, что антропо- и зооморфные наименования горам даются как вторичные дополнительные обозначения сакральных гор. Настоящие же названия умалчиваются из-за особого почитания, а иногда из опасений навлечь на себя кару.

Следует отметить, что местное население «прячет» от чужих людей сакральные места, связанные с родовой территорией своих предков. Для них это не только место глубокого почитания «колыбели» предков, но также и источник жизненной силы, место приобщения к священному пространству [Там же].

Согласно негласному закону о круговороте жизни, гора, выступая как место упокоения предков, может рассматриваться и как даритель *кут*-души ребенка. В мифопоэтике северных якутов встречаются сюжеты, когда бездетные пары просят *кут*-душу ребенка у духа горы. Следует отметить, что северные якуты считают себя детьми родовых гор и говорят про себя *хайа сахалара* ‘горные якуты’ [Там же].

Действительно, у якутов ярко выражено чувство «слитности» с местом проживания: практически у каждого рода, семьи есть свои алаасы, озера, горы. Так, «кормящий» ландшафт буквально пронизывает весь мир человека, ментальную матрицу, ритуальный комплекс [Le Lieu du Nord ..., 2015, p. 18].

4. Заключение

В суровых климатических условиях предки якутов в непрерывном процессе взаимодействия с автохтонными народами создали наиболее приспособленную к своему региону сбалансированную культуру, основанную на богатом наследии своих предков — кочевников Евразийских степей. Они перенесли метафору юга и стереотипы пространственного поведения в новое географическое пространство.

Несмотря на то, что якутская традиционная культура в своей основе характерна для всего этноса, в мировоззренческой картине мира субэт-

нических локальных групп выявляются варианты, присущие только этим группам, обусловленные в первую очередь ландшафтными условиями. Так, основой локального нарратива и социальной идентичности становятся доминантные символы пространства. Гидронимы *Лена, Вилюй, Яна, Колыма* становятся ключевыми символами локальных групп якутов: вилюйских, заречных, ленских, колымских, — а горный ландшафт является символом территориальной идентификации северных якутов (*хайа сахалара* ‘горные якуты’).

Историко-когнитивный и лингвистический анализ ментально-культурного слоя природных объектов (долины, леса, горы, озера, реки) показал, что у якутов сохранились архаические представления, связанные с тюрко-монгольским субстратом этногенеза.

Источники и принятые сокращения

1. Архив ЯНЦ РАН — *Архив* Якутского научного центра Российской академии наук. Воронкин М. С. Вилюйская группа говоров якутского языка. 1980 г. Ф. 5. Оп. 12. Д. 245. Л. 351.
2. *Верхоянский сборник* : якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым // Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии. — Иркутск, 1890. — Т. 1. — С. 3—34.
3. ПМА — *Полевые материалы* автора, собранные в Хангаласском, Амгинском, Вилюйском, Кобяйском, Нюрбинском, Сунтарском, Верхоянском, Оймяконском улусах Республики Саха (Якутия) за 2012—2018 гг.

Литература

1. *Алексеев А. Н.* О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилюя / А. Н. Алексеев // Тюркский мир : Монголия и Якутия : сборник. — Улан-Батор : [б. и.], 2007. — С. 197—201.
2. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. — Новосибирск : Наука, 1980. — 318 с.
3. *Босиков Н. П.* Эволюция аласов Центральной Якутии / Н. П. Босиков. — Якутск : ИМЗ СО РАН, 1991. — 128 с.
4. *Гоголев А. И.* Обзорение этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) / А. И. Гоголев // Наука и образование. — 2008. — № 3. — С. 66—72.
5. *Гумилев Л. Н.* Этносфера : история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. — Москва : Астрель, 2010. — 578 с.
6. *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленьеводов / И. С. Гурвич. — Москва : Наука, 1966. — 247 с.
7. *Данилова Н. К.* Традиционное жилище народа саха. Пространство. Дом. Ритуал / Н. К. Данилова. — Новосибирск : ГЕО, 2011. — 122 с.

8. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX — начала XX в : историко-этнографическое исследование / Ф. М. Зыков. — Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1986. — С. 84.
9. Ксенофонтов Г. В. Эллэйада : материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. — Москва : Наука, 1977. — 47 с.
10. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай сахалар : Очерки по древней истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. — Якутск : Национальное Издательство РС (Я), 1992. — Кн. 1. — 416 с. ; Кн. 2. — 317 с.
11. Маак Р. К. Вилуйский округ Якутской области / Р. К. Маак. — Санкт-Петербург : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1887. — Ч. 3. — 192 с.
12. Николаев С. И. Сомоготто : основные этапы этнической истории вилуйских якутов / И. С. Николаев // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. — 1957. — Вып. 27. — С. 90—98.
13. Николаев С. И. Сомоготто : народ саха / И. С. Николаев. — Якутск : Якутский край, 2009. — 300 с.
14. Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству : История Якутской АССР / А. П. Окладников. — Москва, Ленинград : Наука, Издательство АН СССР, 1955. — Т. 1. — 432 с.
15. Предания и мифы. — Новосибирск : Наука, 2003.
16. Романова Е. Н. Степная Арктика : «поминающая культура» номадов Севера / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, В. М. Дьяконов. — Москва : Канон, 2017. — 504 с.
17. Серошевский В. Л. Якуты : опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — Москва : Рос. полит. энцикл., 1993. — 714 с.
18. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов / М. М. Содномпилова. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2009. — 366 с.
19. Ушницкий В. В. Административно-территориальное деление и родовой состав якутов (XVII—XIX вв.) / В. В. Ушницкий // Известия ИГУ. — 2015. — Т. 14. — С. 80—91.
20. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. — Ленинград : Наука, 1969. — 438 с.
21. *Le Lieu du Nord : Vers une Cartographie des Lieux du Nord* / D. Chartier, S. Bellemare-Page, A. Duhan, M. Walecka-Garbalinska. — Québec : Presses de l'Université du Québec, 2015. — 262 p.

Forming of Historical and Cultural Landscape of Yakuts: Ethno-Local Models and Spatial Concepts

© Nataliya K. Danilova (2019), orcid.org/0000-0002-3728-5738, ResearcherID J-7690-2018, PhD in History, senior research scientist, Department of Archeology and History, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian

Branch of the RAS — Division of Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Yakutsk, Russia), dan_natalik-sen@mail.ru.

The strategies of space development, mechanisms of adaptation and identification of local cultures of the Sakha (Yakut) people in constant close connection with the natural environment are considered. The invariant features of the ethno-cultural landscape of the Yakuts, formed on the basis of local worldview, are revealed. The material for cross-cultural research was folklore, ethnographic and linguistic data reflecting and revealing the fundamental and symbolic meanings of the dominant symbols of spaces and ecological traditions based on the spiritualization of the landscape environment. The novelty of the study is seen in the fact that the work for the first time analyzes natural objects (alas, forest, ponds, mountain), which played a key role in the formation of local identities, in the semantic context. Historical-cognitive and linguistic analysis of the mental-cultural layer of natural objects showed that the cultural model of the Yakuts preserved archaic elements associated with the Turkic-Mongolian substrate. It is shown that the Yakuts transferred the metaphor of the South and stereotypes of spatial behaviour based on the perception of the southern ancestral home to a new geographical space. The author argues that natural objects accumulate ideas about the habitable terrain and “feeding landscape” and become key ethno-differentiating markers and the basis of the national-cultural narrative of the Yakut people. Thus, the conceptual foundations for the perception of natural objects in the minds of the Yakut people are determined, on the one hand, by utilitarian ideas about the territory as an economically developed space, on the other hand — by the mythological perception of real geographical space as value-heterogeneous loci according to the universal division of “own / alien.”

Key words: traditional culture; Sakha people; ethno-local groups; ethno-cultural landscape; spatial concepts, symbols and images; metaphor of the South; ecological traditions.

Material resources

- Arkhiv YaNTs RAN — *Arkhiv Yakutskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. F. 5. Op. 12. D. 245. L. 351. Voronkin M. S. Vilyuyskaya gruppa govorov yakutskogo yazyka. 1980 g. (In Russ.).
- PMA — *Polevyye materialy avtora, sobrannyye v Khangalasskom, Amginskom, Vilyuyskom, Kobyayskom, Nyurbinskom, Suntarskom, Verkhoyanskom, Oymyakonskom ulusakh Respubliki Sakha (Yakutiya) za 2012—2018 gg.* (In Russ.).
- Verkhoyanskiy sbornik: yakutskiy skazki, pesni, zagadki i poslovitsy, a takzhe russkiye skazki i pesni, zapisannyye v Verkhoyanskom okruge I. A. Khudyakovym. In: *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii*. (1890). Irkutsk. 1: 3—34. (In Russ.).

References

- Alekseyev, N. A. (1980). *Ranniye formy religii tyurko-yazychnykh narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Alekseyev, A. N. (2007). O vremeni zaseleniya yakutami basseyna Srednego Vilyuya. In: *Tyurkskiy mir: Mongoliya i Yakutiya: sbornik*. Ulan-Bator: [b. i.]. 197—201. (In Russ.).

- Bosikov, N. P. (1991). *Evolyuetsiya alasov Tsentralnoy Yakutii*. Yakutsk: IMZ SO RAN. (In Russ.).
- Chartier, D., Bellemare-Page, S., Duhan, A., Walecka-Garbalinska, M. (2015). *Le Lieu du Nord: Vers une Cartographie des Lieux du Nord*. Québec: Presses de l'Université du Québec.
- Danilova, N. K. (2011). *Traditsionnoye zhilishche naroda sakha. Prostranstvo. Dom. Ritual*. Novosibirsk: GEO. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2008). Obozreniye etnicheskoy istorii Zapadnoy Yakutii (do nachala XX v.). *Nauka i obrazovaniye*, 3: 66—72. (In Russ.).
- Gumilev, L. N. (2010). *Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody*. Moskva: Astrel. (In Russ.).
- Gurvich, I. S. (1966). *Kultura severnykh yakutov-olenevodov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Khudyakov, I. A. (1969). *Kratkoye opisaniye Verkhoyanskogo okruga*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Ksenofontov, G. V. (1977). *Elleyada: materialy po mifologii i legendarnoy istorii yakutov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ksenofontov, G. V. (1992). *Uraangkhai sakhalor: Ocherki po drevney istorii yakutov*, 1, 2. Yakutsk: Natsionalnoye Izdatelstvo RS (Ya). (In Russ.).
- Maak, R. K. (1887). *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti*, 3. Sankt-Peterburg: Tip. i khromolit. A. Transheliya. (In Russ.).
- Nikolayev, S. I. (1957). Somogotto: osnovnyye etapy etnicheskoy istorii vilyuyskikh yakutov. *Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, 27: 90—98. (In Russ.).
- Nikolayev, S. I. (2009). *Somogotto: narod sakha*. Yakutsk: Yakutskiy kray. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). *Yakutiya do prisoyedineniya k Russkomu gosudarstvu: Istoriya Yakutskoy ASSR*, 1. Moskva, Leningrad: Nauka, Izdatelstvo AN SSSR. (In Russ.).
- Predaniya i mify*. (2003). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Ignatyeva, V. B., Dyakonov, V. M. (2017). *Stepnaya Arktika: «pomnyashchaya kultura» nomadov Severa*. Moskva: Kanon. (In Russ.).
- Seroshevskiy, V. L. (1993). *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya*. Moskva: Ros. polit. entsikl. (In Russ.).
- Sodnompilova, M. M. (2009). *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatelnosti mongolskikh narodov*. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNTs SO RAN. (In Russ.).
- Ushnitsiy, V. V. (2015). Administrativno-territorialnoye deleniye i rodovoy sostav yakutov (XVII—XIX vv.). *Izvestiya IGU*, 14: 80—91. (In Russ.).
- Zykov, F. M. (1986). *Poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennyye postroyki yakutov XIX — nachala XX v.: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye*. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoye otdeleniye. (In Russ.).